Яблоня на пепелище

Алёна Карамазова

Алёна Карамазова

Яблоня на пепелище

«Автор»
2026

Карамазова А.

Яблоня на пепелище / А. Карамазова — «Автор», 2026

Славянский мистический триллер с элементами семейной саги, народного хоррора и магического реализма.Яблоня на пепелище.1980-е. Глухая деревня среди лесов, где вместо электричества — свечи, а жизнь подчиняется законам земли, леса и рода.Аксинья — знает то, о чём молчат. Её бабка Евдокия когда-то связалась с чёрной книгой из-за несчастной любви и продала душу за силу. Книга исчезла. Проклятие — осталось, связав две семьи нитью, которую нельзя порвать.Дочь Аксиньи, дерзкая Виталина, не верит в магию — пока не становится свидетельницей жутких превращений соседки Глафиры, чьих предков сгубила Евдокия. Жуткие мутации, запах смерти — то, что казалось сказками, оказывается реальным.16-летняя Эликса впитала бабушкину мудрость с молоком. Но теперь в ней просыпается сила, и ей предстоит продолжить дело рода.А где-то древний том уже меняет руки. И тот, кто его откроет, перестанет быть собой.Три женщины, одна кровь, одна память. И тень, которая уже поднимается из-под земли.P.S.

© Карамазова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

*** 5
Глава 1 6
Глава 2 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Алёна Карамазова
Яблоня на пепелище

***

Она стояла на родной земле спустя десять лет. Слёзы горечи душили её, и все невысказанные слова застревали в горле тугим комом.

— Здравствуй, бабушка...

Глава 1

На лесной опушке, которую словно в крепких объятиях держали вековые сосны и ели, жила белокурая девушка. Сюда редко заглядывали чужие — слишком далеко, слишком глухо, да и электричество до этих мест так и не добралось.

Её волосы были цвета лунного света, а глаза повторяли оттенок тихой глубины чистейшего океана. Звали её Эликса.

Так назвала её бабушка — знахарка Аксинья, шептавшая заговоры корням и знавшая язык дождей. Имя она выбрала не случайно. В глубине веков, в позабытых людьми свитках, оно значило «напиток богов» — сокровенную субстанцию жизни и чуда. Это имя как нельзя лучше подходило её горячо любимой внучке.

С самого рождения Эликсы Аксинья уже знала, что эта девочка появилась на свет, чтобы творить чудеса в этом мире. Впервые дремлющая в её крови магия проявилась в три года. Отец случайно сильно поранил руку. Потекла кровь. Густые струйки застучали по половицам тягучим алым дождём.

Эликса смотрела на рану внимательным и вдумчивым взглядом, в котором не было страха. Лишь тихий интерес. Вдруг она повернулась и выбежала из дома, будто точно знала, куда ей нужно идти. А вернувшись, она держала в руках белоснежный многоцветик.

«Тысячелистник», — мелькнуло в голове у Аксиньи, но она промолчала, заворожённо наблюдая за внучкой.

Маленькие пальцы торопливо оборвали и скомкали перистые листья, похожие на еловые лапки, и уверенно истерзали их в зелёную кашицу, от которой пахло горькой свежестью и прохладой. А оголившийся стебелек с шапкой соцветия девочка аккуратно вложила в руку Аксиньи. Девчушка, ни капли не сомневаясь, неумело плюхнула на рану отца травяную, сочную лепёшку.

Отец от неожиданности и боли еле сдержался, чтобы не завопить, но вовремя остановился, боясь ненароком напугать дитя. Но когда он воочию наблюдал, как алая река, что секунду назад била из его плоти живым ключом, на глазах застывала, густела, превращаясь в тёмно-багряные полупрозрачные сгустки, — его глаза и вправду полезли на лоб.

— Твою ж подкову, — только и смог выдохнуть он.

Эликса тем временем, как ни в чём не бывало, забрала из рук Аксиньи голый стебелёк тысячелистника и деловито отправилась за склянкой. Встав на шаткую табуретку, она подставила выбранную банку под струю умывальника. Вода зазвенела, наполняя сосуд солнечным светом и серебряными пузырьками воздуха.

Маленькая хозяйка, неуклюже расплёскивая сверкающие капли, донесла банку до стола и с грохотом опустила её на деревянную поверхность. С трепетом она поставила цветок в воду. Она нежно погладила его по головке крошечной ладошкой и зашептала — что-то своё, понятное лишь им двоим.

После такого нехитрого действия Эл вдруг звонко засмеялась и порхнула по коридору во двор, наперегонки с солнечным зайчиком, вершить свои детские, великие дела.

Бабушка весело присвистнула и сказала, не скрывая гордости:

— Я знала, что в нашу семью придёт необычный ребёнок. Ещё когда она толкалась в утробе, звёзды на небе уже выстроились в знак травницы. И вот — уже даже не звоночки, а первый удар колокола. Великие силы не просто скрыты в ней. Они пока спят, прорастая корнями... и сегодня первый корешок уже пошевелился.

Отец молча сглотнул застывший ком в горле.

— Мне… даже стало страшно, — выдавил он, и голос его предательски дрогнул. — То, чего не знаешь, всегда пугает.

Он разглядывал свою руку и не верил своим глазам. Кровь полностью остановилась, а та ноющая, огненная боль, что рвала плоть минуту назад, теперь была лишь её тихим отголоском.

— Не будем забегать вперёд, — сдержанно, почти сухо сказала мама Виталина и принялась разглядывать рану у мужа. — Время покажет.

В её голосе звучала не невера, а усталая осторожность, словно она уже видела, как яркое пламя привлекает не только свет, но и ночных мотыльков, готовых сгореть в нём и опалить других.

— Да чего тут глядеть-то? — фыркнула Аксинья, и её голос вдруг стал жёстким, как корень старого дуба. — И ежу понятно, что ребёнок нам дан не просто как дар, а как зажжённый шандал в кромешной тьме. Большая ответственность вместе с её появлением легла на нас всех.

Она обвела взглядом стены избы, будто видя сквозь них не мохнатые ели, а незримую, вечно голодную пустоту.

— Дети с таким даром... — бабушка понизила голос до скрипучего шёпота. — Они для нечистивцев не просто «вкусняшка». Они — ключ. К силе, к жизни и к истокам. И эти ключи вечно хотят отобрать или сломать. Мы-то сами, каждый день, как на стене, отбиваемся от иродов да навьев. А Эликсу... её беречь надо не пуще жизни… а вместо жизни, если придётся. Потому как она — не просто дитя. Она для нашего рода — и щит, и семя будущего. Последний уголь из потухающего костра.

Мудрость в роду Эликсы была не просто знанием — это была живая нить, тянущаяся из глубины веков, из эпохи, когда люди и духи леса — говорили на одном языке. Знания и умения издревле передавались из поколения в поколение по женской линии.

Правда, были и сбои. Не каждая душа оказывалась сосудом, способным выдержать тяжесть этого дара без трещин.

Одни — в страхе отшатывались от своей силы, хоронили её глубоко внутри, обрекая на бесплодное прозябание. А другие — и это было куда страшнее — позволяли дару извратиться, начинали черпать силу не из чистых родников жизни, а из мутных потоков зависти, гордыни или страха, обращая исцеление — в порчу.

И с каждой такой ошибкой, с каждым прерванным или осквернённым заветом, родовая сила истончалась, словно пламя свечи на сквозняке. Род Эл терял свои краски, голоса его хранительниц становились тише, а связь с теми самыми древними силами — всё призрачнее.

И к рождению Эликсы — от великой силы предков осталась лишь тень, да упрямая надежда, что в этом ребёнке нить не порвётся окончательно, а, наоборот, сплетётся и окрепнет вновь.

Бабушка Аксинья была не просто знахаркой. Она была сильной духом наследницей родового завета.

Она слышала, как стонет земля под болезнью, и знала, какое слово-растение её успокоит. Где нужно — там нежным шёпотом зверобоя и ромашки хворь отведёт. Где надо — горьким, очищающим дыханием полыни сживёт липкую паутину дурных мыслей. А когда боль кричала в теле так, что человек готов был лезть на стену, она и не моргнув глазом, могла призвать на помощь тихий, исцеляющий сон мухомора — чтобы дать страждущему передышку, островок безболезненной тишины. А сон, как известно, это лучшее лекарство.

Многие люди ходили к ней за помощью, даже те, кто чурался да шептался за спиной, мол — ведьма да колдунья. Но как что прихватит — так бежали к ней без оглядки и слёзно молили о помощи. Аксинья всем помогала… и не делила мир на «плохих» и «хороших».

Она была не судьёй, а врачом для тел и душ. И хотя ноша её была тяжела, и иной раз чужая боль оседала в костях леденящей усталостью, а людская чёрная неблагодарность выедала душу, — она не гнулась. Стеблем полыни, горьким и непреклонным, несла она своё знание, глядя миру прямо в лицо.

Для неё мир не делился на чёрное и белое — он был цельным полотном, где болезнь — была дырой, а её дело — латать эти дыры, где бы они ни проявились.

Иные, ощутив на себе лёгкость исцеления и чистоту её рук, менялись изнутри. Стыд и благодарность вытесняли старый яд, и они начинали кланяться ей уже не от нужды, а от уважения.

Другие же... Исцелённое тело не лечило помутнённую душу. Зависть, эта чёрная ржавчина чувств, въедалась слишком глубоко. Они уносили своё здоровье, но уносили и камень за пазухой — теперь уже отягощённый ещё и тяжким грузом неоплаченного долга.

Бабушка Аксинья всё видела. Она буквально читала свечение души, как иной читает книгу. На благодарность она отвечала тихой теплотой. А на спрятанный камень — не обидой, а спокойной, непробиваемой осторожностью. Таких людей она не подпускала близко к себе. Только лечила и отдалялась от них с миром, пока снова им не приспичит.

Этому — умению видеть истинную суть и ставить защиту — ей предстояло научить и Эликсу. Ибо доброта без различения — подобна роднику без берегов: растечётся, замутится и станет болотом.

А вот мать Эликсы, Виталина, добровольно отреклась от родового дара, хотя в ней дремала мощь, пожалуй, даже более могучая, чем у Аксиньи. Но она выбрала простой путь, где полы должны оставаться чистыми, а вечера — принадлежать семье, а не чужим страданиям.

Всё детство и юность она провела как тень — на краю вечного приёма. Она видела, как бесконечный поток страждущих вытаптывает в грязь вымытый ею коридор, оставляет на чистом полу влажные следы боли и отчаяния, а в воздухе — тяжёлый, лекарственный дух, который не выветривался никогда. И каждый вечер она видела свою мать… не могучую знахарку, а измождённую женщину, в чьих глазах гас свет, отданный чужим людям.

Но даже отказавшись от дара, Виталина не смогла отказаться от любви и ярости. Её глодала изнутри жгучая обида, когда соседки, вполголоса перемывая кости, передавали, что бабка Глафира — та, чьё лицо сама природа будто изуродовала в знак её внутренней кривизны, — снова брызжет своим ядом в адрес Аксиньи.

У Виталины в такие моменты в висках стучало, а в глазах темнело. Она до хруста в пальцах сжимала кулаки, представляя, как врывается в тусклую, пропахшую затхлостью избу Глафиры, кричит в её некрасивое лицо всё, что о ней думает… а потом, уже украдкой, под покровом ночи, вымазывает вонючим чёрным дёгтем дверную скобу дома старухи— чтоб знала, как лить грязь на достойных людей.

Но она не шла. Её бунт был тихим и бесплодным, как пар, что бессильно поднимается над кипятком и растворяется в воздухе.

Аксинья не нуждалась в разговорах, чтобы узнать о внутреннем гневе дочери из-за глупых слухов. Она ощущала его кожей — будто в комнату входило жаркое, сухое летнее солнце, от которого вянут цветы.

Чувствуя внутреннее бурление родного человека, она откладывала все дела. Аксинья, подобно глубокому озеру, принимала в себя и гасила любой пожар, нежно опуская ладонь на голову дочери. Её пальцы, пахнущие травами и землёй, двигались с невероятной нежностью, распутывая узлы ярости в пышных курчавых волосах Виталины. И голос её лился тихо-тихо, как вода на раскалённые камни:

— Тш-ш-ш, мой огонёк, тш-ш-ш… Не засоряй своё чистое сердце их грязью. Не уподобляйся. Их души искалечены скудостью, и месть наша лишь добавит яду в их чашу, которую они и так испивают до дна. Они уже наказаны — своим собственным несчастьем.

Слова Аксиньи обладали особой силой: они были не просто звуками, а лекарством. Её спокойствие было настоящим, глубинным, как корень векового дуба. Оно могло остудить самый кипящий гнев, превратив бушующую в душе лаву — в тёплую, плодородную золу.

В самые тихие ночи, глядя на спящую дочь, Аксинья думала: может, всё к лучшему. Хорошо, что Виталина не взяла то, что принадлежало ей по крови. Ибо дар в руках её «огнёнка» был бы не лекарством, а оружием. Искра её гнева, помноженная на родовую мощь, могла бы не исцелять, а испепелять. Это была бы не нить жизни, а фитиль бомбы, готовой рвануть от первой же искры обиды.

«Пусть уж лучше своим гнездом вертит, а не кореньями, —с усталой нежностью думала Аксинья, слушая, как дочь журит мужа.— Одной громовержицы в роду с лихвой хватило. Чтобы вторая, да ещё с её характером… Упаси, Мать-Земля. Апокалипсис, он хоть и семейный, а последствия — на все соседние поколения».

Ведь в роду уже была такая — в пятом колене. Та, чьё имя теперь произносить не хочется. Аксинья молилась, чтобы её дочь никогда не узнала, что́ и какой ценой когда-то натворила её прапрапрабабка.

Зато Эликсе сила достанется в концентрации. И уж она-то воспользуется ею по предназначению, раз уже с малых лет в ней эта силушка искрится.

— Дай Бог пожить ещё годков, чтобы осветить чуток путь Эликсы, пока она не оперится, — молила Аксинья, приходя на место силы, где она с юности, ещё со своей мамой, черпала золотую энергию.

Было оно в дремучем лесу, куда обычный народ ни за какие коврижки не пойдёт, даже если будет знать, что там целая вселенная боровиков и куниц.

Для обычного человека место это веяло страхом и бедою, а для своих, с волшебной чудинкой, — наполняло любовью и страстью к жизни, питало силами и дарило вдохновение. После его посещения тело пело, а душа звенела. Жаром горели ладошки и ступни, энергия внутри била ключом, и хотелось горы свернуть. Как огромный аккумулятор, оно заряжало надолго, поэтому к нему ходили только тогда, когда силы уже были на исходе и нужны были новые знания. Сядешь на корни огромного, до небес, дерева, прислонишься спиной к нему или обнимешь как родного — и вот она, льётся в тебя световыми ручейками, заполняя от кончиков пальцев ног до самой макушки. Обратно летишь как светящаяся лампочка. Ощущение такое, что если солнце вдруг проглотит чёрная ночь, мир не погибнет, потому что у него есть я.

Эл ещё рано туда ходить, да и не нужно. Она и так — ходячий праздник энергии, само солнышко в платьишках. С утра до сна сияет да пышет божественным светом, который гоняет её туда-сюда, сюда-туда.

— Она не устаёт меня удивлять, — со смешком качала головой Аксинья, делясь с Виталиной своими наблюдениями. — Глядь — перед носом, кур гоняет. Моргнуть не успеешь — её уже и след простыл, а в доме стоит грохот, будто дракон за печкой поселился. И как она между мной да косяком протиснулась — одному Богу известно. Видать, даров в ней — не меряно, не взвешено. С «невидимкой» у неё отменно получается, это факт. Ну что ж, дело нужное. В хозяйстве, да и не только, — самое оно…

— Мам, ну ты скажешь тоже! На кой Эликсе, этот дар то? — усмехалась молодая мама.

— А моя покойная бабка, бывало, говаривала, — начала рассказ Аксинья, — Что та самая «тихоня» — так она это называла, её как-то раз от большой беды уберегла. Когда не спрятаться, не скрыться — а она взяла, да и исчезла на глазах.

Караулил её однажды безумный кавалер, который не принимал никак её отказа. И по-хорошему к ней, и по-хитрому, а она всё одно: «Нет» — и всё тут. Разозлился он не на шутку, змеёй шипящей стал. Страху напускал, мороков. А она, моя бабка-то, не лыком шита была. — женщина перевела дух.

— И вот стоит он за сараем, дым пускает, злость вынашивает, а она его увидела, да струхнула… и как будто сама себе новую дверь в мире открыла — тихую, невидимую. Дар-то её сам вскрикнул в тот миг, дескать спасать хозяйку. Как она тенью мимо него прошла — только ветерок тёплый, да сердце бешено колотится. Он потом на всех перекрёстках клялся, что ведьма

она, мол, сквозь него, как сквозь пустое место, просочилась. А бабка сама потом тряслась, не веря, что вышла сухой из воды. Стала потом эту «тихоню» развивать — то соседям корову незаметно подоит, то котелок у рыбака умыкнёт, то на посиделках подслушает чего. Охочая была до весёлых проказ.

Женщины весело расхохотались.

— Но дар — это не игрушка. — продолжила Аксинья. Его свыше дают — свыше и забирают, если шутить вздумаешь. А коли зло творить начнёшь, так заберут не просто так, а с мздой страшной: жизнь потом начинает сыпаться, как песок из дырявого кувшина. Да не одна — а всей ветви, что по роду идёт.

— Хорошо, что я не взяла на себя этот хомут, — обрадовалась Виталина. — Я бы обязательно что ни будь вытворила, что потом во век не разгребёшь.

— Вот, а я о чём!? — Аксинья легонько пальцами надавила на лоб дочери. — Потому и гниют в нашем древе те сучья, где бабы возомнили себя царицами да богинями, силу на пустое да чёрное растратили. Корни от этого и сохли.

— Ну у нас же есть ты, мамулечка! — Виталина мягко положила на плечо Аксиньи свою голову, играя в зубах соломинкой.

— Вот для чего я тут, старая, ещё и топчусь! — в голосе Аксиньи звучала нежность. — Чтобы наша крошка, наша искорка, по глупости да горячности не спалила тот лес, в котором сама живёт. Чтобы направляла свой свет во благо, а не слепила им.

Глава 2

За спиной их семьи всегда вился шёпоток, липкий и цепкий, как паутина. А байки, что про них рассказывали, могли бы составить целый фолиант деревенского фольклора ужасов. Корень был всегда один: слепая боязнь непонятного. Пугает не зло, а отклонение от привычной картины мира.

И Аксинья отклонялась. Она редко переступала порог церкви. Не от безверия, а от избытка веры. Она верила, что Бог не в стенах, а в тишине — между сердечными ударами, в дыхании травы, в самой ткани мира. Общаться с Ним можно в поле, у колодца, за прялкой — стоит только прислушаться к себе. Он был для неё не далёким судьёй, а ближайшим соседом по вселенной. Он жил в её душе. Он был ею, а она им.

Но такая близость к священному вне правил, раздражала людей. Их успокаивало единство обряда, а не порыва души. Всё должно было быть «как у людей». А то, что выходило за рамки, легче всего было объяснить дьявольским наваждением.

И в какой-то извилистой, тёмной части души — они, возможно, угадывали правду. Сила Аксиньи действительно соприкасалась с чем-то древним, диким, лежащим по ту сторону привычных алтарей. Это была сила самой Природы — которая не знает деления на «добро» и «зло» в человеческом понимании, а знает лишь законы роста, увядания и равновесия. И в этом первобытном могуществе всегда есть тень, в которую можно спроецировать собственный страх. Они называли эту тень дьяволом. И отчасти… не ошибались.

Время шло. Эликса подрастала и набиралась сил не по дням, а по часам, то и дело выкидывая эдакие фокусы, от которых дух захватывало.

Уже в шесть лет, она то огонь в лампадке взглядом зажжёт, то дождика попросит, он и появится. Бывает, пошепчет что-то в кулачок с землёй, улыбнётся — а оттуда росточек проклюнется, хорошенький такой, нежный… Чудеса, да и только.

Виталина сперва билась в истерике и страхе. Она видела в этом не дар, а проклятие, страшное наследие, от которого сама сбежала. Их споры с Аксиньей гремели по всему дому. Но сила в Эликсе росла, как весенний паводок — её не запретить указом, не запрудить стеной. И Виталина, глядя в сияющие, абсолютно счастливые глаза дочери, отступила. Не принять это — значило потерять ребёнка. И она неожиданно для себя самой встала в строй: стала помощницей, отвлекающим манёвром и живым щитом. Три поколения ведьм. Одна — отрёкшаяся, одна — уставшая, одна — цветущая, сплели хитрую сеть молчаливого сговора. Они закрывали друг другу спины в мире, который их боялся. Хотя по мощи мать с бабкой, вместе взятые, и рядом не стояли со своей неугомонной, сверкающей силой девочкой.

Когда Эл стукнуло тринадцать, её впервые пронзило странное чувство — до мурашек. Будто холодный, цепкий взгляд бабки Глафиры не просто скользит по ней, а ощупывает, ищет слабину, щель в её сияющем поле. Внимание старухи к их дому стало навязчивым, почти физическим.

Страха не было. Было непонятное, глухое раздражение, как от скрипа несмазанной двери. Да, Глафира была прогнившей насквозь — от неё веяло затхлостью злобы, но Эликсе чудилось нечто большее. Будто между этой старухой и их родом натянута незримая струна, и кто-то невидимый время от времени дёргает за неё, извлекая тихий, фальшивый звук.

На прямые вопросы внучки Аксинья отводила глаза или резко меняла тему.

— Дитя, есть тропки, куда тебе ходить ещё рановато, — сжав её плечи, говорила бабушка. — Держись от неё подальше. Не корми своим вниманием. Она как чертополох — чем больше на него смотришь, тем быстрее он растёт.

Эликса слушалась. Но эта тайна, эта запертая дверь в прошлом взрослых, манила. А главное — манила саму Глафиру. С каждым годом её колючий, исследующий интерес к девочке

становился всё плотнее, наглее, голоднее. Она словно выжидала. И Эликса кожей чувствовала — выжидала именно её и, какого-то своего часа.

Эл то и дело ловила на себе тяжёлые взгляды Глафиры, то слышала её манящие слова, обещающие то сладкую конфетку, то волшебно-красивый цветок в палисаднике.

Но Эл хорошо помнила данное бабушке обещание — обходить стороной загадочную соседку — и держала слово, всеми правдами и неправдами уходя восвояси.

Что-то было в этих маленьких и злобных глазах на сморщенном, как печёное яблоко, лице… Этот крючковатый, немного сдвинутый нос с большими ноздрями и широкими порами. Тонкие, искривлённые книзу губы. Провалившийся рот и трясущийся подбородок с несколькими длинными чёрными волосками. Ростом она была невысока — то ли от рождения, то ли от старости, что согнула её пополам.

Сухие, дрожащие руки были всегда скрыты почти до кончиков пальцев длинными рукавами. Но всё же иногда можно было рассмотреть её скрюченные длинные пальцы с толстыми жёлтыми ногтями и наростами на костяшках.

Носила она только чёрные одежды: льняные платья в пол да платки с чёрным тонким кружевом по краю. Ей не хватало только косы вместо трости, чтобы дополнить полную картину создаваемого ею впечатления. В церковь она ходила часто, при этом всегда надевала белый накрахмаленный платок так, что его уголки, сложенные на лбу макаром, как у монашки, образовывали идеально ровные линии. Из церкви она всегда несла свечи, и складывалось ощущение, что ходит она туда только из-за них, мимолётно создавая вид набожной святоши.

Бабку чуралась вся деревня, да и она никогда с народом шибко не общалась — была закрытая, молчаливая. Только иногда удивляла людей тем, что, как ни в чём не бывало, подходила к толпе у магазина и, словно специально, громко и эмоционально рассказывала новую байку про семью травниц — то есть, по её мнению, логово ведьм!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.